

Ирина Мовчан

Своя ноша не тянет

*Пять дней
из жизни простой
рекламщицы*

Ирина Мовчан

**Своя ноша не тянет. Пять дней
из жизни простой рекламщицы**

«Издательские решения»

Мовчан И. А.

Своя ноша не тянет. Пять дней из жизни простой рекламщицы /
И. А. Мовчан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969312-9

Рекламщица Дуся — красавица и умница, которой завидуют многие. Мало кто знает, что родители Дуси когда-то погибли в служебной командировке, что живет она с больной бабушкой в однокомнатной квартире. Неожиданные события последних пяти дней раскрывают Дусе истинную причину гибели родителей и дают ей в руки информацию, за которой охотятся самые разные люди. Только вот Дуся совсем не рада тому, что знает, где спрятаны огромные суммы чужих денег, поломавшие когда-то ее собственную жизнь...

ISBN 978-5-44-969312-9

© Мовчан И. А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Своя ноша не тянет Пять дней из жизни простой рекламщицы

Ирина Анатольевна Мовчан

© Ирина Анатольевна Мовчан, 2019

ISBN 978-5-4496-9312-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Будильник шелкнул и, прежде чем зазвонить, на секунду задумался. Дуся протянула руку, нажала кнопку. Быстро повернув голову, посмотрела влево, туда, где стояла кровать бабули. Та не спала. Дуся не знала, что будет, когда утром увидит ее глаза закрытыми. То есть знала, что это когда-нибудь случится, что бабуле не пятьдесят лет и что она, разбитая параличом после гибели Дусиных родителей, держится все это время только потому, что не на кого, по ее мнению, оставить внучку, и что надежды на выздоровление нет, и что сил у бабули немного. Дуся все это знала и каждый день просила то ли бога, то ли судьбу: пожалуйста, еще немного, не сейчас, я ведь стараюсь. Я не хочу, чтобы она умерла, я делаю все, что только могу. Я не знаю, как буду жить еще и без бабули. Для чего. Зачем.

Утренний распорядок в последние двенадцать лет почти никогда не нарушался. Поставив на огонь чайник, Дуся засыпала в термос горсть сухих трав, быстро приняла душ и вернулась в комнату.

– Вставайте, графиня свет Евдокия Романовна, нас ждут великие дела!

– Да уж поднимай. Что-то сегодня в четыре как будто кто толкнул, так и не заснула больше. – Бабуля говорила медленно, но довольно внятно.

– Ты как себя чувствуешь?

– А как, ты думаешь, чувствует себя полупарализованная старуха, которая второй десяток лет не может самостоятельно существовать? – забрюзжала бабуля.

Это был хороший признак. Это означало, что на сегодняшний день со здоровьем у полупарализованной старухи все более или менее нормально. Когда она плохо себя чувствовала, то становилась кроткой и ласковой. И тогда Дуся пугалась по-настоящему. А сегодня, слава богу, все ничего. Слава богу.

Дуся легко взяла бабулю на руки, мельком подумав, что та становится все легче и легче, и отнесла в ванную. Поставив бабулю на пол, сняла подгузник, сунула его в целлофановый пакет и туго завязала. Прямо в ванну устойчиво поставила пластмассовое креслице, сворованное в кафетерии на углу позапрошлым летом, посадила туда старушку, включила душ и вложила шланг в ее левую руку.

– Не горячо?

– Иди уж.

Бабуля всегда требовала, чтобы все, что возможно, она делала самостоятельно. Почему-то она считала, что так она меньше обременяет Дусю. Дуся закрыла дверь в ванную, налила в термос воду из вскипевшего чайника, этим же кипятком залила овсяные хлопья, насыпанные в глубокую фаянсовую миску. Завтрак готов.

– Забирать? – заглянула в ванную.

– Да уж не забудь...

Дуся выключила душ, накинула на бабулю большую махровую простыню и, завернув прямо с головой, понесла в комнату. Там тщательно вытерла насухо дряблое тельце, сноровисто надела на старушку подгузник и платье, посадила в инвалидную коляску и покатила на кухню.

– Пожалте кушать!

Тому, что есть надо левой рукой, бабуле не пришлось даже учиться: она была левша. «Видишь, во всем есть свои плюсы, – радовалась она. – А то все детство приучали: в правую возьми, в правую возьми... и ложку, и нож, и ножницы... а уж когда няня увидела, что я левой вышиваю, то-то скандал был! Эх, дура была няня, родись я правой, что бы я сейчас делала?» Дуся тоже этого не знала. Бабулина леворукость пришлась очень кстати. После того, как правая половина ее тела оказалась парализована.

– Они опять стоят. – как о чем-то постороннем сообщила Евдокия Романовна, вылинув вниз из окна – и я не сомневаюсь, что по твою душу. Вчера, когда ты ушла, они исчезли тоже, и появились только после того, как ты пришла.

– Нет, ты просто выживаешь из ума! – вспыхнула Дуся, продолжая спор, начатый примерно неделю назад, – ну кому мы нужны? Пойми ты, мы – никто, государство – другое, все, понимаешь, все не как раньше! Да ты представить себе не можешь, до чего сейчас дошел технический прогресс! Если за мной будут следить, я никогда этого не узнаю! Ни-ког-да! А уж ты и подавно, – уже спокойно добавила она.

– Вот и я думаю, – задумчиво сказала бабуля, – это кто ж хочет дать нам понять, что за нами следят? И за каким хреном? Все знают, что я с утра до вечера торчу у окна. Ничего такого особенного я не видела, хотя все про всех знаю и могу тебе порассказать, хотя тебе и неинтересно. Да и если бы видела что-либо странное, прихлопнуть меня сразу – дело плевое, ты-то весь день на работе. А следят за тобой, и так, чтобы я это заметила и тебе сказала. У тебя на работе ничего нехорошего не делается?

– Да ты что, бабуль! Что нехорошего может делаться в рекламном агентстве! Это же не политика, это – реклама. Видишь же по телевизору: «Изменим жизнь к лучшему!» – пропела Дуся.

– А может, вы там втихаря деньги отмываете?

– От чего отмываем?

– Ну, от чего все отмывают. От наркотиков, оружия, мало ли от чего...

– Знаешь, даже если и отмываем, я тут точно ни с какого бока не касаюсь. Мои клиенты платят безналom, все у меня на виду, и деньги проходят копейка в копейку, и документы... Так что из-за работы за мной следить никто не будет.

– А знаешь, – мечтательно сказала бабуля, – может, это женихи?

– Кто?!?

– Поспокойнее. Ну, не женихи, а жених. Когда я в госпитале лежала, помнишь, у меня соседка по палате была азербайджанка, Гуля?

– Плохо помню. И что?

– А то. У них в Баку как раз так принято ухаживать: если девушка парню нравится, он ни за что к ней не подойдет поговорить, но зато ходит за ней все время на близком расстоянии, куда она – туда и он. Все знают, что это он за ней ухаживает с серьезными намерениями.

– Кто все-то?

– Ну, кто все: она, ее знакомые, друзья, родители. Там, в Баку, все друг друга знают. Положенное время отходит, и когда придет время свататься, уже все про него известно, и кто родители, и сколько денег у них, и что на свадьбу будет подарено, и где жить молодым.

– Ты хочешь сказать, они все четверо хотят ко мне посвататься?

– Ну почему все? – рассудительно сказала бабуля. – Например, жених – богатый азербайджанец из Баку, и ему в голову не приходит посвататься по-другому. У него бизнес, он работает целыми днями, а чтобы ты поняла, что на тебя обращают внимание, он нанял людей. Поэтому они и не кавказцы, что их просто наняли, чтобы они обратили твоё внимание на факт слежки. Вернее, на факт ухаживания.

– Действительно, как это я сразу не догадалась – съязвила Дуся. – А супружеские обязанности он будет сам выполнять, твой таинственный азербайджанец, или тоже вот эти четверо?

– Тебе давно пора замуж! Тебе не двадцать, тебе тридцать четыре года! – отрезала бабуля. – И мне давно уже все равно, какой национальности будет этот мой долгожданный зять, хоть негр! Я хочу, чтобы когда я умру, тебе было чем заняться!

– Ну, если негр, то мне нужен минимум Кофи Аннан, – не ввязалась в свару Дуся, – а он женат. Так что, бабуль, замуж я пойду за белого. Если пойду.

Все романы Дуси были какими-то неудачными. Блеклыми были романы. Ни страсти тебе, ни взлета эмоций. Дуся, подначитавшись книжек по психологии, давно уже поняла, почему ей было так скучно: ни один из ухажеров не походил на отца, каким она его запомнила и каким любила. Не внешне, внешность-то как раз была у женихов, как правило, одинаково брюнетистая, а чем-то, чему описания Дуся не придумала, да и не объясняла себе особо. Не чувствовалось никакой силы во всех этих программистах, дизайнерах, редакторах, менеджерах, которые периодически примеривались в женихи. Не хотелось ни с кем из них умереть в один день, да и непонятно было, как с кем-либо из них можно жить долго и счастливо.

– Бабуль, – перевела Дуся тему разговора, – а это только у азербайджанцев такой оригинальный вид сватовства или у мусульман вообще?

– Кому оригинальный, а кому банальный, – попала на удочку бабуля, которую хлебом не корми, только дай поучить внучку жизни. – Гуля-то как раз возмущалась, какие в Москве варварские обычаи, какое распутство, какие дикие нравы. Мальчик знакомится с девочкой, а ее родители даже не знают, что он ходит к ней в гости прямо домой! И соседи видят, ничего не говорят. А у них в Баку соседи как дружно живут, ты не представляешь! Гуля все поражалась, что в Москве соседи друг друга не знают, на дни рождения друг к другу не ходят, на свадьбы-похороны не помогают и все такое. У них соседи – практически родственники. Ты бы послушала, как там вынуждены считаться с соседями!

– Вот видишь! – поймала Дуся бабулю на слове. – Ты сказала: «вынуждены». Потому что это действительно отнимает какое-то количество времени и сил, ходить на дни рождения к чужим людям, а потом приглашать их к себе на дни рождения. Ты посчитай-ка, – развеселилась она, – у нас в подъезде тридцать шесть квартир, в каждой проживает от двух до семи человек, ну, будем считать в среднем, что человека по четыре. И ко всем этим ста пятидесяти человекам надо будет ходить на дни рождения, заранее готовить подарки, сто пятьдесят вечеров в году сидеть в гостях, а два раза в год принимать эту ораву у себя, на мой и твой день рождения. Как тебе перспективка? Так что вот переедем жить в Баку – и тогда будем вести себя так, как там принято. Будем дружить с соседями, будем вечерами принимать гостей, сами будем каждый день ходить в гости...

– Что значит: переедем? – забыла бабуля, с чего начался разговор о Баку. – Тебе предложили работу в другом городе?

– Здравствуйте, свет Евдокия Романовна! А кто сказал, что ко мне сватается богатый азербайджанец? К нему и поедем. С такими нравственными установками, как у него, ты можешь не опасаться быть забытой. Тебя будут любить и почитать, уважать, спрашивать твоего совета даже тогда, когда ты выживешь из ума.

– Если! Если выживу из ума! Ты мне ерунду всякую внушать прекрати! В моем роду склероза не было! И Альцгеймера тоже!

– Насколько я припоминаю, в твоем роду и insult не прослеживается... – погрустнела Дуся. – Ну ладно, бабуль, хватит ссориться, мне уже пора собираться. А то опять Катюшка будет на весь офис говорить, что я сегодня опоздала, чтобы весь коллектив смог оценить мой роскошный вид. Знаешь, таких подруг иметь, иногда действительно и врагов не надо. Она думает, что мне самооценку так поднимает.

– Нам, Разумовским, всегда завидовали, нам не привыкать!

– Катька не завидует. А моя фамилия – Кулакова, ты когда-нибудь выучишь? Папа обижался, хоть и виду не подавал, что ты меня Разумовской называешь, и я обижаюсь тоже. Да, я вас с мамой люблю и всю жизнь буду любить, вне зависимости от того, кто на каком свете, на том или на этом, но я – Кулакова! Паспорт показать?

– Дусь, – начала осторожно бабуля, уже в который раз. – Ну что ты в самом деле! Может, ты потому и замуж не выходишь? Кому скажи – женился на Дуньке Кулаковой! Мужики, они

хилые, боятся, что заключают друзья да знакомые, вот и опасаются этих подначек... А так – будешь Евдокия Разумовская, красиво и достойно.

– Уж если копнуть, то ты всю жизнь не Разумовской прожила, это под старость тебе взбренило фамилию поменять.

– Не взбренило поменять, а появилась возможность восстановить! Пока твой дорогой отец работал там, где работал, нечего и думать было восстанавливать истину! Потом бы не отмылись! Оставь посуду, я помою. Помою, сказала! Ду-ся! Я вполне дотягиваюсь до кра-нов!

Не обращая внимания на бабулины отчаянные выкрики, Дуся быстро вымыла посуду, намазала руки питательным кремом и прошла в комнату, где на стуле лежал тщательно отутюженный вчера костюм. Бабуля прикатила следом, чтобы не пропустить ни одного действия внучки и успеть прокомментировать каждое. Но сегодня Дуся собиралась быстрее, чем солдат в казарме, поднятый по тревоге. «Трудно ей одной весь день сидеть, – стараясь не выдать лицом сочувствия, думала она, вдевая в уши стильные серьги из нового гарнитура, присланные с okazji другом отца дядей Славой напрямую из Африки. – Может, нам кошку завести? Не позволит. У меня даже в детстве не было никаких кошек. Да и как-то за ними надо ухаживать, к чему-то там приучать... Нет, кошку не получится, не любит она их. А то бы хоть с кошкой общалась, чем в окно весь день смотреть да в телевизор...»

– Ну, я пошла. – Она чмокнула бабулю в висок. – Если что, звони на мобильный, я весь день сегодня в бегах. Только, ради всего святого, не по поводу этих идиотов, которые, как ты считаешь, за мной следят. Скорее всего, они следят за кем-нибудь, – если все-таки следят – кто уходит из дома примерно в одно время со мной. А вечером сейчас все поздно возвращаются, так что опять примерно в одно время. А тебе, старой, мерещится невесть что.

– Я, конечно, старая, но это единственное в твоих словах, с чем можно согласиться. В среду ты пришла в обед? В обед. Следом за тобой притащился тот, что самый высокий, и сидел на скамейке до самой ночи. Как раз к нему остальные по очереди и подсаживались, поболтают о чем-то, потом уходят.

– Бабуль, – уже с порога родила новую версию Дуся, – а что, если они наркотиками торгуют? А самое бойкое время – утро, обед и вечер? Ты только не выясняй ничего и не звони ни в какую милицию. Если вдруг что-то в этом роде, то тогда точно тебе надо быть осторожнее. Заметят, что ты следишь за ними, – и все, умрешь на десятом десятке крайне нелепо – от руки душегуба. Опять же, замуж кто тогда меня отдаст? Ну, я пошла.

Проходя по двору, Дуся покосилась на скамейку. Действительно демонстрация: сидит на скамейке Широкоплечий, – бабуля каждому дала кличку – и театрально отвернулся в сторону. Вдруг, как будто что-то вспомнив, резко поднялся и пошел к метро, пристроившись в пяти метрах за Дусей. Цирк! «Это зачем же, действительно, давят на психику? И кто? Если бы был один, то вполне вероятно, что маньяк. Двое – что хотят ограбить. Только за неделю ограбить можно было уже сто раз, была возможность. А вот четверо? Развлекаются? Это можно сделать и повеселее как-то. Очень сильно похоже, что им приказали, как-то банально они это делают. Но кто приказал? Уголовники какие-нибудь? И зачем? Квартиру хотят отнять? Плохая у нас квартира, можно было найти гораздо дороже при прочих равных условиях, а то и лучших. И дядя Слава в командировке, даже ни с кем не посоветуешься...» Дуся вздохнула: вопросы надо было снимать обязательно.

Друг отца дядя Слава уехал в длительную командировку в Зимбабве, пару раз звонил и один раз присылал по электронной почте письмо и фотографии с видами Африки, а на прошлой неделе прислал маленькую посылочку с драгоценностями для Дуси и какую-то чудодейственную траву для поднятия сил бабуле. Никакой экзотики писал, нет в этом Зимбабве, уныло все, начиная от климата, который хуже во много раз, чем на нашем Кавказе, и заканчивая скрытым апартеидом. Еще тридцать лет в стране все было так: чернокожее население уходит

из города в шесть вечера, и ты остаешься без прислуги во всем городе до самого утра. Пиво – ужас! – подать некому, приготовить ужин и даже разогреть его некому... После получения страной независимости в течение почти тридцати лет родоплеменные связи законных хозяев страны довели ее до ручки: развалилось все. Тетя Люся, жена дяди Славы, хорошая – Дуся точно знала – хозяйка, в каждой командировке вынужденно делалась беспомощной белой леди, которой стирала, убирала, готовила разнообразная чернокожая прислуга, как правило, живущая прямо в доме. В этом отношении Зимбабве, конечно, плохая страна: самой тете Люсе, живущей «при муже», делать ничего по дому, в общем-то, нельзя, потеряешь уважение местных белых. Во всех командировках тетя Люся, дама очень энергичная, что называется, «грызла углы». Эта командировка была уже третьей по счету, и тетя Люся, собираясь в Зимбабве, страдала так, будто ее снова незаслуженно отправляли в тюрьму. Супруга, писал дядя Слава, вышивает крестом, два рушника уже вышиты, на очереди – скатерть и салфетки. Просил с оказией прислать мулине, специальные нитки для вышивки.

«Пригласят или не пригласят приехать к ним в отпуск? – размышляла Дуся. – Или я уже взрослая, таких не приглашают? Хотя бы недели на две, пока бабуля в здравии. Я бы сиделку ей взяла на это время... В таком возрасте, конечно, в любой день это случиться может, а оттуда быстро не прилетишь... Нет, если пригласят, не поеду. А может, потому и не приглашают, что знают, что не уеду от бабули ни на один день? А в Африку хочется...»

Все это хорошо, вернула Дуся мысли в старое русло, но что за люди ходят за ней уже неделю? Не грабят, не насилуют, ничего не предлагают и ничем, кроме, впрочем, самого факта слежки, не пугают. Ждут, когда подойдет сама и спросит, в чем дело? Когда терпение лопнет, когда любопытство пересилит осторожность? Не думают же они, что Дуся начнет убегать и скрываться?.. Стоп. Каждый нормальный человек на всякий случай постарался бы скрыться. Тут железно срабатывает животный инстинкт: если за тобой гонятся, ты или убегаешь, или принимаешь бой. Дуся не убегает. Значит, по логике вещей, собралась бороться. Нехорошо. Нельзя пугать бабулю, а от ее глаз вряд ли что-либо скроется, если вокруг Дуси закрутятся какие-нибудь плохие события.

Нет безвыходных ситуаций, есть неприятные решения, напомнила себе Дуся. И еще из каждой ситуации есть минимум три выхода. Два основных я знаю: прятаться или биться. Надо найти третий. Поговорить в милиции? На работе отца? Неразумно палить из пушки по воробьям. Уехать? Слишком сложно: работа, бабуля, которая может испугаться... Купить дачу в Подмоскowie и жить там? В один день этого не сделаешь, да и где взять столько денег? Кредит быстро не дадут, а если и найти место, где дадут, то наверняка под очень большие проценты... Да и найдут они нас на этой даче в момент, работу же я не сменю... На другой день уже будут там стоять и снова пугать бабулю... Ну-ка, ну-ка! А что, если розыски бабулиных сестер, уехавших в семнадцатом году куда-то в Европу, все же увенчались успехом? Может, это бабулю и пугают, а вовсе не меня? Допустим, они думают, что у нас есть фамильные драгоценности. Ну мало ли кто какую информацию в интернете или газетах нашел, сейчас все что угодно можно прочесть, переписку или дневники столетней давности чьи-нибудь наследники продали. А если со мной что случится, бабуля останется совсем одна. Вот под эти побрякушки, например, они и копают. Сначала старуха испугается за мою жизнь, а потом они будут требовать за меня выкуп... Даже похищать меня не надо, просто припугнуть – и готово. И ведь не докажешь, что нет у нас никаких бриллиантов фамильных. Или что-то есть? Нашелся на западе кто-нибудь из богатых родственников, эмигрировавших после революции, и их интесует графиня Разумовская, которой по закону должны отойти богатства несметные после смерти какой-либо из сестер? Нет, нелогично. Тогда бы они так не «светились», собирали бы информацию аккуратно. Получается, ничего не боятся, потому что мешает им чем-то бабуля, ну и, получается, Дуся тоже мешает... Дуся не стала додумывать, эта версия уж совсем ни

в какие ворота не лезла. Может их действительно наняли, просто они не знают кто, а потому и назвать хозяина не смогут? Вопросы надо снимать...

Так учил отец, это его слова: «вопросы надо снимать сразу, пока они не выросли в проблему». Вопросы снимали, когда учительница по английскому языку начала занижать оценки за «не то» произношение (дело было простое – папа пошел в школу и минут пятнадцать поговорил с Валентиной Ивановной по-английски о том, сколько лет прожила Дуся в англоязычной стране); снимали, когда новые соседи по площадке, ежедневно просыпая свой мусор мимо мусоропровода, не трудились его убирать (папа снял процесс на видео скрытой камерой, подарил кассету соседям и пообещал дарить такую же всем, кто будет выходить из квартиры новых жильцов); их, вопросы, снимали всегда и везде. Сразу, не дожидаясь разрастания в проблему.

Эти сегодняшние, возникшие вдруг и ниоткуда, вопросы были посерьезнее, чем просыпанный соседями мусор. До тех пор, пока непонятно, что тут нужно делать, надо притвориться, что боишься, решила Дуся, так безопаснее. Чтобы выиграть время. А может, все рассосется само собой, закончится неожиданно, как и началось. «Мы странно встретились и странно разойдемся...» – помечтала вслух она. Во всяком случае, пока неразумно злить этих четверых.

Между тем они – Дуся и Широкоплечий в пяти шагах от нее – дошли до «Семеновской», удлинив дистанцию, спустились по эскалатору. Подходил поезд и Дуся на секунду растерялась: спешить или нет? Если побежать, этот идиот подумает, что она от него отрывается. Подождать его? Совсем уже ни на что не похоже. Кто, в конце концов, кого сопровождать подрядился? Дуся прибавила шаг, ощущая спиной, что «хвост» заволновался. «А заполучи!» Дуся вбежала в вагон и тут же за ее спиной закрылись двери. Пусть думает, что она убегает. Типа спасается, в натуре. А то совсем оборзели, козлы.

Дуся представила, как эти слова она произносит вслух. Как бы среагировали знакомые? Да и кому из них она могла бы так сказать? Дуся, дочь дипломата и внучка настоящей графини, родословная которой подтверждена документами трехсотлетней давности, Дуся, выпускница МГИМО, говорящая на трех, не считая русского, языках, менеджер по рекламе крупного рекламного агентства...

Никто никогда не поверил бы, что все свое детство Дуся хотела быть такой, как большинство ее ровесниц. И что в детстве была у нее, как и у всех девочек, желаящих несбыточного, мечта: она хотела вырасти и стать водителем трамвая. Родители подшучивали, а Дуся страдала. И только бабуля, мудрая бабуля, обсуждала с девочкой ее выбор. Хотя у нас в стране любой труд почетен, говорила бабушка очень серьезно, но внучка Евдокии Разумовской должна работать головой. В крайнем случае, совсем не работать. Но уж никак не числиться в «работягах». Поэтому надо учиться, много читать, чтобы, когда вырастешь, много знать, и уже тогда можно будет выбрать работу какую захочешь, можно побыть немножко и водителем трамвая, если интересно.

Как было бы хорошо, чтобы хоть кто-нибудь, взрослый, старший и умный, пришел и сказал, что нужно сейчас делать Дусе, а чего нельзя делать ни в коем случае. И запретил бы, например, ходить на работу, как не позволяли родители ходить в школу в восьмом классе во время менингитного карантина. И выяснил бы «по своим каналам», про которые в голову не пришло бы никому ничего уточнять, что это за люди следят за Дусей вторую неделю и для чего они это делают. А главное, когда это закончится. И чем.

Между тем Дуся добралась до «Маяковской», вышла из метро и свернула на Тверскую. Оп-ля! Уже стоят! Да сразу двое! Хорошо, бабуля не видит. Стриженный и Рохля, так прозвала их бабушка. Про Стриженого все было понятно – волосы почти «под ноль», как сейчас стригутся многие мужчины, это почему-то считается спортивным стилем. А вот почему второго бабуля прозвала Рохлей, Дуся так и не поняла. «Что тут непонятного! – удивлялась бабуля. – Да его за версту видно, даром что я с восьмого этажа смотрю и вижу в девяносто два года не очень-то. Рохля, он рохля и есть, поверь мне, уж я мужиков повидала!» Более серьезных

аргументов, почему этот «хвост» назван ею так, бабуля не приводила. Рохля, и все. «Однако же рохля не рохля, а как-то дела свои бросил и примчался по звонку, – размышляла Дуся. – Значит, важно им меня травить. Кто же им платит, и зачем?» Платят – Дуся уже не сомневалась, на себя так не работают. Зачем – был главный вопрос. «Кто шляпку спер, тот и тетку пришил... Это я к чему? А, конечно. Выяснить зачем, значит, выяснить – кто. Или сначала выяснить, кто, и будет ясно, зачем? И не скажешь себе, что потом об этом подумаю,» – позавидовала Дуся героине «Унесенных ветром», входя в подъезд своего агентства.

2

В холле, проходя мимо зеркала, Дуся проверила, нет ли озабоченности на лице, подобралась и завернула за угол. Большие круглые часы над столом, важно именуемым «рисепшн», показывали без трех минут десять. Секретарши Ларисы на месте не было. Дуся всегда приходила на работу вовремя, чему открыто завидовали многие коллеги. Пунктуальность считалась у начальства признаком наличия остальных деловых качеств, которыми должен обладать менеджер по рекламе. Коллектив глухо роптал, что менеджер по рекламе – профессия творческая, а творческие люди, всем известно, рассеянны и несобраны. Поэтому требовать от сотрудников приходить на работу ровно в десять – это гасить их созидательный порыв, поскольку человек, спеша на работу, думает не о том, как правильно, качественно и стильно «раскрутить» товар клиента, а о том, успеет ли он, сотрудник, до десяти часов утра закрыть за собой входную дверь или нет.

Менеджеры, одиннадцать человек, сидели в одном большом помещении, называемом «менеджерской», разделенном на кабинки пластиковыми перегородками. Такими, что поговорить еще можно через верх, и то не о своем девичьем, а о вещах глобальных, политике там или производственном процессе, а вот увидеть, что делается у соседа, уже нет. Угол менеджерской был отгорожен со всех сторон, имел дверь и крышу и именовался «кабинет шефа».

Если кондиционер втягивал и выпускал обратно, разнося в разные стороны, запах лака для ногтей или, например, средства для укладки волос, шеф, начальник отдела прессы, делал так называемый «обход», нюхая воздух в каждой кабинке и, сощурившись, разглядывал у сотрудниц ногти и прически. Если в воздухе стоял только запах кофе, шеф сидел у себя в кабинете и целыми днями что-то вполголоса бубнил по телефону. Дусе казалось, что говорил он постоянно с женщинами, причем с разными, потому что каждый раз Олег бубнил другим тоном. Впрочем, специально Дуся не прислушивалась, шеф был нормальный и компромат на него рыть не было никакой нужды. А до чужого грязного белья или скелетов в шкафах Дусе не было никакого дела. Опять же, если бы Олег считал свои разговоры секретными, он бы не держал дверь кабинета нараспашку. Некогда было Дусе сильно вникать в особенности разговоров шефа, других забот полно: нужно работать, а дома бабуля без присмотра.

Дуся пыталась организовать Евдокии Романовне «присмотр», однако строптивая бабуля наотрез отказалась от сиделки. «Дело не в том, что дорого, – выговаривала она Дусе, – а в том, что сиделка твоя будет отнимать у меня столько времени и сил, что ни на что другое их у меня не будет. Чужой человек будет торчать весь день у нас дома, делать тут все не так... И я, вместо того, чтобы смотреть телевизор или читать, буду следить за этой твоей нянькой? Нет, нет и нет!» И Дуся смирилась.

Стирала Дусе стиральная машина-автомат, уборка в их маленькой квартире занимала от силы час Дусиного времени, покупка продуктов не вставала в проблему – под окнами построили «Рамстор», большой продуктовый супермаркет, и Дуся постепенно привыкла к такому порядку вещей. Единственное, что нельзя было устроить – это общение для бабули. Все ее душевные подружки постепенно умерли, и последние лет семь Дуся была главной собеседницей Евдокии Романовны. С молодыми – годков шестидесяти – соседками бабуля не сближалась, «не о чем говорить», разве что решала вопросы общественные, например, чья очередь звонить жаловаться на электриков, которые третий день не чинят свет в подъезде. Бабуле подъезд был без надобности, но Дуся каждый день ходила на работу, и бабуся старалась «создать внучке условия для нормальной жизни». Считалось, что если в ДЕЗ будет звонить один человек, коммунальщики будут менее оперативно принимать меры, чем по сигналам от разных жильцов.

С утра, проводив внучку, Евдокия Романовна устраивалась возле окна, клала рядом на тумбочку книгу и очки, включала телевизор. Однако, заметила Дуся, в последнее время почти не читала, предпочитала смотреть по очереди то в телевизор, то в окно. И уже, пожалуй, все больше в окно, чем в телевизор. А все из-за этой проклятой слежки.

На своей работе Дуся сосредоточиться никак не могла. А надо было: задание есть, и очень перспективное. Новый клиент – крупный немецкий строительный концерн Энке – заказал рекламную кампанию для своей всемирно известной продукции. Сначала наверняка был анализ российского рынка, сделанный тремя-пятью разными не зависимыми друг от друга маркетинговыми агентствами. Потом они там в Германии все посчитали, спрогнозировали и спланировали. Теперь они выбрали рекламное агентство, способное реализовать их масштабные планы.

С продукцией для строительства Дуся уже работала и немного представляла себе степень отдачи от рекламы в зависимости от сезона года. Сложности были в том, что примерный медиа-план, на который предлагала ориентироваться фирма, был составлен для своего региона польскими коллегами с привязкой к их мягкому европейскому климату и уже оправдал себя на строительном рынке Польши. Немцы получили стабильную прибыль и двинулись развиваться дальше на восток. То, что Польша – не Россия, и зимой у нас кровельные и гидроизоляционные работы проводить нельзя, потому что температура воздуха на улице опускается гораздо ниже плюс пяти градусов, а следовательно, зимой гидроизоляцию практически не покупают, немцам в голову не приходило. Дуся хотела так распределить затраты на рекламу, чтобы, с одной стороны, выделяемых денег получилось никак не меньше, чем дали полякам, а с другой – чтобы не рекламировать товар в те месяцы, когда он никому не нужен. Вообще-то безопаснее было продублировать польскую схему, у немцев бы никаких вопросов не возникло, но Дуся халтуры не любила. За те же самые деньги, что вложили в рекламу в Польшу, в России можно получить гораздо большие объемы продаж. Если разместить все правильно.

Деловито и сосредоточенно Дуся вбивала цифры в таблицу, сравнивая свою схему и с прошлогодним графиком размещения рекламы в нашей строительной прессе итальянских кровельщиков, и с прошлогодним же планом поляков, признанным немцами качественным. То ли в Польшу рекламные площади дороже сами по себе, то ли у них прессы меньше, размышляла Дуся. А может, конкуренция на рынке рекламы отсутствует напрочь, и они в прибыль себе заложили денег сколько хотели... Если так, хорошо живет полякам, не то что у нас: профессионалов все больше и больше, любой промах – и клиент уйдет к конкурентам.

Дуся посмотрела на часы: не успевает сделать всю работу за сегодня. В два часа встреча со старым партнером, много лет тот рекламирует через агентство бытовую технику, никаких неожиданностей можно не ждать, плановая встреча и, как всегда, обмен текущей документацией. В четыре – знакомство с потенциальным рекламодателем, какое-то отечественное защитное покрытие на основе ПВХ, снова строительное направление. Тут нужно будет действительно поработать: вникнуть в особенности товара, изучить рынок, предложить свою концепцию... Отечественный производитель, он же химик-лакокрасочник, только прнаслышке знал, что реклама – двигатель торговли, но что это затраты и больших денег, и времени, даже не предполагал. Пока что он по телефону поделился с Дусей размышлениями на тему о том, а не начнут ли его уникальный товар покупать и без рекламы – ведь уникальнейший продукт! Или прорекламировать его по минимуму. Потому как в производство он готов был вложиться, в сырье – тоже, а вот в раскрутку почему-то не совсем готов. Как-то мало слышал он про раскрутку. Такой нужный всем товар, был уверен химик, должны брать и так, потому что это материал третьего тысячелетия. Дуся часто встречала этих бывших химиков, физиков, математиков и инженеров, умниц в своей первой профессии, которые ничего не понимали в имидже, рекламе и пиаре.

А строительной химии самой разной в России развелась тьма тьмущая, и вся сертифицирована, и вся проверена, и какую ни возьми – присуждены различные дипломы и медали... Чтобы раскрутить еще и это чудо-покрытие, надо будет из-под себя выпрыгивать. Поймет ли это лакокрасочник?

– Ларис, – позвонила Дуся секретарю по внутреннему телефону, – я в «Неяду», а после нее в этот «Парадиз» или как его, так что сегодня уже меня не будет, я только на мобильном.

– Хорошо, труженица ты наша, – в голосе Ларисы слышалась явная зависть. – Тебе можно куда хочешь. А звонить – на мобильный? Вчера была недоступна...

– Ларис, ну я же в метро! – обиделась Дуся.

– Так и в метро сейчас везде берет. – Лариса перешла на доверительный тон, – Дусь, да я же понимаю, что ты сразу губы надула! У тебя же должна быть личная жизнь! Бабка-то как, по-прежнему?

– Спасибо, в порядке. Ты же имела в виду, что с ней все нормально?

– Разумеется. – Голос секретаря стал металлическим. – Так куда тебя записать? В «Неяду» и еще куда?

– Секунду, я проверю. – Дуся открыла ежедневник. – «Парадиз-М», строительная химия, производитель.

– Ни в жисть не буду пользоваться отечественной химией, – чтобы хоть как-то отомстить Дусе за нежелание сближаться, сказала Лариса. – Французские духи-то не все сейчас модно брать... В этом сезоне вообще какие-то новые запахи... Дусь, ну не пойдет на рынке никакая отечественная химия!

– Пойдет, солнышко! – злорадно улыбнулась в трубку Дуся. – У меня все пойдет! Только сначала я разберусь, как.

– Да, Дусь, чуть не забыла! Завтра в десять тридцать совещание по воде, ну, по минералке этой, что-то у них там не идет. Не продается вода эта идиотская. Ты по ней работала?

– Нет, так что меня не записывай. И Ларисочка, если я лишусь хоть одного клиента потому, что он услышит, какие эпитеты ты употребляешь в связи с его замечательным товаром, мы поссоримся навсегда. Ты поняла, солнышко?

– Дуся, в холле – ни одного человека. И я ничего такого не говорю. Что ты ко мне все время цепляешься? Я просто сказала, что вода не продается.

– Солнышко, я опаздываю. На совещание меня не записывай. Я на мобильном, но клиентов на меня не переключай, потому что у меня в два и в четыре переговора. Позвони мне, если я кому нужна, и я им сама перезвоню. Хотя сегодня я включила автоответчик на мобильном, так что теперь не нужно мне по сто раз набирать, когда я в метро. Спасибо, солнышко. До завтра. Я выйду через черный ход, мне к «Пушкинской», поэтому и звоню. Пока.

– Как ты с ней дружишь? – Подняла секретарша глаза на Катерину, прихлебывающую кофе в кресле для посетителей. – Про бабушку не спроси, продукт не обзови... Не так стоишь, не так сидишь... Не так, блин, свистишь...

– Не так стучишь, Лорик.. Год уже секретарь-помощник директора, а все никак в коллектив не вступишь. Давно уже пора расти, а ты все и ныне там, откуда пришла. Тем более что шефу все время некогда, захотела бы – постепенно один вопросик бы на тебя переключил, второй, зарплатку бы прибавил... Глядишь, работать стало бы интересней. А ты все сплетни собираешь. Кому они нужны, сплетни твои? А вообще-то, Ларис, воду идиотской называть действительно не следовало. Просто ни про что никогда не говори плохо, ни про один наш товар. И даже запрети себе думать плохо о клиентах и об их продукции. Это закон рекламы.

– Господи, что это еще за закон рекламы такой?

– «Мысль материальна» называется. Как вы лодку назовете, так она и поплывет. Чтобы реклама, тобой сделанная, заработала, надо полюбить товар, который рекламируешь. И с любовью рекламу этого товара делать. Тогда у клиента будут продажи, а у нас – контракт еще на один

сезон. Дуська же учит этому всех кого не лень. И это действительно работает. С тех пор, как я по дуськиному совету люблю товар своих клиентов, все они продлевают контракты. Вот так.

– Господи, ну я же секретарь! – вдруг всхлипнула Лариса. – Я же вашу рекламу идиот.. я же вашу рекламу не делаю! Я принимаю звонки! Еще я покупаю вам хрень всякую, какую закажете! Куда вы их девааете-то, ручки эти, скотчи да скрепки для степлеров, едите, что ли! Ты-то что ко мне прицепилась! Что вы все меня травите! Кать, ну ты же сама сюда меня привела, а теперь мне гадости говоришь! – Лариса расплакалась. – От меня вообще не зависит ваша реклама и ваша отдача! Сами чего-то не так сделаете, а потом мысли вам виноваты! А шеф, кстати, вообще меня видеть не может. Даже когда бумаги ему подаю, морщится. Вот что, скажи, не так? – Лариса шумно высморкалась. – У меня хороший английский, у меня высокая скорость печати! И ошибок я почти не делаю! У меня презентабельная внешность, в конце концов! В другой фирме ценили бы, а вам все не так да не так!

– Да успокойся ты, – растерялась Катерина. – Я же тебе объяснить хотела, чего не надо бы делать... Олег и морщится-то, может, потому, что за речью ты не следишь совсем, как базарная торговка разговариваешь, а он же все это слышит... А внешность у нас у всех презентабельная, с другой сюда работать не берут...

– Нормально я разговариваю! Как все разговариваю! Матом, как шеф, не ругаюсь! И с пятном на брюках не хожу! А то у него, видите ли, радиатор потек! В радиаторе вода, а не масло, откуда же масло на брюках?

– Немедленно остановись! – взорвалась Катерина. – И лицо приведи в порядок! Где, кстати, шеф?

– Вышел. Баба какая-то позвонила, он сказал, что на пять минут, и вышел. Уже полчаса нету. – Лариса старалась не всхлипывать.

– Лариска, ну боже мой, ну не баба же, а женщина!

– Кать, блин, ну это же я тебе! Ну что же я перед тобой-то прикидываться буду! Ну все же нормальные люди так говорят, когда не выпендриваются! Да что на вас на всех нашло!

– Лариска, вот знакомы мы лет пятнадцать, а почему-то раньше я от тебя не слышала ни ни «идиотские», ни «баба», ни «блин».

– Да где нам нормально поговорить-то было, ты когда английским занималась со мной, о чем мы могли поговорить? Я тебе «вы» говорила же всегда, какой тут «блин» можно было сказать? Ты пришла, отдрессировала и ушла. Как оценки да какие пробелы – вот и все твои вопросы были. Учила меня, как на ПЭЭМЖЭ. Я лучше всех в классе знала всю грамматику и все слова, какие проходили. Никто и не думал, что я с репетитором занимаюсь, Анн Иванна считала, что это я сама по себе такая уникальная. «Какая у девочки странно избирательная память!» – процитировала Лариса учительницу. – Никогда не понимала и сейчас не знаю, зачем он мне нужен, язык этот. Разве что для резюме. А вообще-то, Кать, все говорят, что у меня хороший английский. Как ты думаешь, – Лариса успокоилась окончательно – у меня есть шанс выйти замуж за иностранца?

– Конечно. Ты только найди не знающего русский язык, новых английских слов ни в коем случае не выучивай, а литературный английский у тебя хороший, это точно. Лет пятнадцать, как и я, он пробудет в тумане, которого ты ему поднапустишь. А может, и больше. К тому времени ты или научишься нравиться близким тебе людям, или одно из двух.

– И что же второе?

– Ларис, подумай сама. Ну ладно, пойду, дел полно.

– Кать, ну подожди. Вот скажи мне, а что Дуськина бабака-то все не умирает? Дуська же как привязанная к ней.. И когда только Дуська успевает так выглядеть и столько работать? Кать, ну не поверю я, что нет у нее никакой личной жизни! Чтобы так выглядеть, стимул нужен. И замуж не выходит, и любовника нет. Не может такого быть. Неужели вся жизнь в бабке?

– Ох, Ларисочка, не лезь ты в частную жизнь сотрудников, пока не попросят. Да и не откровенничает Дуся ни с кем никогда. Думаешь, она мне что рассказывает? Так, общие фразы. И советов моих не слушает, потому что не понимаю я этих ее жертв. Бабке давно все сроки умереть прошли, а Дуська с ней носится, как будто без бабки не свобода у нее наступит, а конец света. Любит она бабу, нет у нее никого больше. Вот только как у Дуськи в голове не укладывается, что все равно умрет бабуля ее, по законам природы умрет. Как все нормальные люди. И так пожила, редко кому удается до девяносто двух лет-то дожить.

– Катюш, а это правда, что и квартиру, и все у них отняли?

– Да почему ж отняли-то? Дело было еще в девяносто первом. Тогда и не было у нас ничего собственного, ты у родителей спроси. Все жилье было государственным, чтобы жить в квартире, в ней надо было быть прописанным. А Дуську еще задолго до командировки этой заграничной родители к бабке прописали, чтобы если та умрет, лет-то Евдокии Романовне и тогда уже было много, квартира не отошла государству, а Дуське осталась. А получилось видишь как... Родители погибли в аварии, и государству пошла трехкомнатная родительская квартира, в которой Дуська жила. Вот она по месту прописки к бабке и переехала. Тогда-то бабку и парализовало с горя: Дуськина мать у нее единственный ребенок была. И вот же, не померла, оклемалась Евдокия Романовна, да как надолго... Дуське бы бабку сдать в какой-нибудь пансионатик для престарелых, так нет, тащит. Еще и говорить на эту тему не смей. Замуж все никак не выйдет. Ну кому она нужна с такой бабкой? Плюс ко всему еще фамилия эта с имечком, вот уж действительно ирония судьбы... Мне и то стыдно кому сказать, что моя подруга – Дунька Кулакова. А уж мужики, представляю, как фыркают. Причем, заметь, наши мальчики холостые от Дуськи млеют, на фамилию и бабку им наплевать, на все согласны, а Дуська – нет, ни в какую.

– Может, за иностранца хочет?

– Вряд ли. Дуська – это не ты или я, Дуська когда хочет, она делает. И, заметь, всем желающим рассказывает, как сделать то, что хочется. Поэтому у нее завистники есть, а враги редко случаются. Вот ты ее любишь?

– Да ты что, она меня постоянно поучает!

– А деньги или помощь понадобится, к кому пойдешь?

– Ой, ну ты сказала! Зачем это мне на работе денег или помощь просить! У меня что, без работы мало знакомых? Я, слава богу, не в четырех стенах сижу, у меня и тусовка, и подружки...

– А в институт когда будешь поступать?

– Катя, ну что ты ко мне пристала с этим институтом! Ну не пошла я в институт десять лет назад, время было такое, что не на что стало родителям меня содержать! И не несешь ты никакой ответственности за меня, что ты все время переживаешь о моем образовании, тебе же деньги платили за то, чтобы ты меня английскому учила, а не за то, чтобы я в институт потом поступила. Я замуж за иностранца выйду, вот и пригодится твой язык. Знаешь, тут девочки нашли одну дискотеку, там фирмачей как собак нерезаных... Что, опять что-то не так? Ты чего вытаращилась? – Лариса обернулась на дверь офиса. – Ой, Олег Евгеньевич, я вас не заметила. Вы через черный ход вошли? Вам не звонили. А Катерина тут по делу, пришла за скрепками для степлера. Опять закончились. Едят они их, что ли?

– Катюша, тебе бы своих детей нарожать и с ними нянчиться, отдачи больше. Пошли покурим, только я сигареты возьму. – Шеф слегка улыбнулся Катерине и направился в кабинет.

– Господи, какие же вы тут все расчетливые! Вложить, получить отдачу – больше ни о чем и не говорите! – Лариса раздраженно собрала бумаги, разложенные на столе, в одну стопку. – Это не рекламное агентство, это дурдом какой-то! Как еще сказал «нянчиться», а не «раскручивать»! Вы ж тут на раскрутке все помешанные! Детей своих не воспитывать, а раскручивать будете. И считать, сколько надо вложить, чтобы отдача пошла.

– Ларис, дружок, так нельзя. Ну сказал и сказал, он же не тебе сказал. Иду, Олег! Катерина поспешила за Олегом в курилку.

– Катя... – Олег тщательно подбирал слова. – Я понимаю, что ты с ней давно знакома и что-то там вас связывает, но это терпеть больше нельзя.

– С кем «с ней»? – зачем-то переспросила Катя, хотя и так было понятно, о ком идет речь. – С Ларисой?

– Катя, ну давай не будем уже резать кошке хвост по кускам! Лариса работает плохо. Это не наш уровень. С этим надо что-то делать. Я, сама понимаешь, могу ее просто уволить. Но поскольку ты ее не только привела, а еще и все время опекаешь, то есть человек этот для тебя что-то значит, я готов потратить силы и время на то, чтобы сделать то, что я собираюсь сделать, максимально тактично.

– Ты знаешь способ тактичного увольнения? – горько улыбнулась Катя.

– Да, знаю. Он называется «перевод». В «наружке» есть вакансия, девочка в декрет ушла, ответственный секретарь. Зарплата на сотню баксов больше, работа непыльная. По телефону не говорить, с клиентами не контактировать. Если ты Лариску сегодня уговоришь, завтра они ее возьмут. Я договорился. Сказал, ответственная, но безынициативная, нам нужна побойчее. Думай, потому что или она переводится в другой отдел, или я ее увольняю. Мы же, в конце концов, с людьми работаем, а наше лицо фирмы как рот откроет, людям этим в глаза смотреть просто стыдно. Только ты сделай все сама: сходи в «наружку», поговори там с кем-нибудь, кто скажет, что человека нет, потом пойди к Лариске, предложи ей, разрисуй... Да что я тебя учу?

– А потом она туда придет работать, и ей скажут, что это ты договорился.

– Катя, ну что ты, ей-богу! Я договорился с Игорем из управления персонала, что он ее переведет в этот отдел, если она попросится. В отделе никто ничего про меня знать не знает, так что с этим все нормально. Сделаешь?

– Можно подумать, ты мне оставил выбор. – Катерина загасила окурок и пошла на третий этаж, в отдел наружной рекламы.

Олег еще постоял в курилке, вынул вторую сигарету, задумчиво на нее посмотрел и сунул обратно в пачку. Конечно, Катерина все сделает как надо. К завтрашнему дню уже нужна секретарша, она же – помощник директора. Директор – Олег – почему-то чувствовал себя так, как будто только что предал человека. Как это у других начальников получается избавляться от неудобного персонала? Повернув в свою половину коридора, он сделал озабоченное лицо и как можно строже спросил у Ларисы:

– А где Кулакова?

– Олег Евгеньевич, она на двух встречах и сегодня уже не придет. Она включила автоответчик на мобильном, ей что-нибудь передать?

– Передай ей, что завтра с утра клиент придет корректировать кампанию по воде. Она что-нибудь делала для «Локаса»?

– Нет, она совсем не занималась этой фирмой. Я у нее спрашивала.

– Хорошо. Кто бы мне ни звонил, если я не на месте, разыскивай и соединяй.

Лариса постаралась скрыть любопытство.

– Я поняла, Олег Евгеньевич.

Олег побрел к себе в кабинет, ждать звонка от Катерины. Делать он все равно ничего не мог. Нужно было подготовиться к завтрашнему совещанию с представителями «Локаса», недовольными объемами продаж минеральной воды, с которой фирма вышла на продуктовый рынок зимой. Да и, собственно, все от них зависящее сотрудники отдела прессы «Сет-рас-медиа» сделали: реклама размещается полностью в соответствии с графиком, утвержденным клиентом. Денег в раскрутку новой марки воды нужно было раза в три больше, однако представитель завода назвал конкретную сумму и попросил распределить ее максимально выгодным образом. Отдел прессы распределил. Теперь завтра нужно будет доказывать, что

прибыль, полученная клиентом, – это именно та прибыль, которую прогнозировали. Отдача от рекламы оказалось ровно в такой пропорции к затратам на нее, какая называлась маркетинговыми агентства еще осенью. Слава богу, заказчику отдавали вовремя всю аналитику, и, если он не принесет с собой эти бумаги, Олег на своих экземплярах покажет те расчеты, которые и делались полгода назад. Надо только самому посмотреть эту папку, чтобы для ответа на какой-то конкретный вопрос не судорожно искать в куче таблиц требуемую информацию, а узнавать нужный листок издалека, и, почти не глядя в него, небрежно называть даты, названия журналов и газет и суммы, которые в эти издания проплачивались. Он сел в свое кресло и, глядя в одну точку перед собой, стал ждать, когда позвонит Катерина. Бумаги потом.

3

Дуся вышла через черный ход, которым обычно пользовалась редко: считалось, что до «Пушкинской» и «Тверской» идти было дальше, чем до «Маяковской», хотя здание рекламного агентства «Сетрас-Медиа» находилось ровно между двумя этими станциями. Прошла через двор на Тверскую улицу, воровато шмыгнула из подворотни в толпу и, не оглядываясь, зашагала к метро. Спинай ощущалась пустота: похоже, никто за ней не следил. Никто не видит, что она убегает. Что Дуся не собирается начинать никакой бой.

Однако надо придумать, как она будет выяснять, что это за люди за ней следят. «Пусть придумается само, – приказала себе Дуся. – А я пока поработаю, дел-то полно».

Она подошла к спуску в метро, вынула мобильник и набрала домашний номер.

– Бабуль, если ты надумаешь что-нибудь мне сказать, а включится автоответчик, прямо на него и скажи, что хотела, значит, я в метро. Когда выйду, прослушаю. Хорошо?

– Хлеба не покупай. Я тут пироги затеяла.

– Какие еще пироги?

– С капустой да с курагой. Надоела твоя стряпня, а в шкафу в самом низу пакет муки оказался. Дрожжи я в холодильнике нашла, тесто подходит, капуста уже тушится, курагу я замочила.

– Бабуль, я тебя умоляю, не делай ничего, а? Я приду и приготовлю. Я часов в шесть, может, уже домой приду.

– А я ничего больше делать и не буду. Тесто еще подходит будет часа три, потом я его обомну, и уже до твоего прихода пусть снова подходит. Капуста остыть должна, ее горячую в пироги нельзя. Придешь и будем печь.

– Знаю я тебя как облупленную, уже тридцать четыре года знаю! Только попробуй сама испеки! Что ты там наважешь одной рукой? Испечешь – есть не буду, вот посмотришь! Бабуль, ну а если обожжешься? – перестав возмущаться, заскулила Дуся.

– Обещаю твердо: больше ничего делать не буду. Клянусь своим здоровьем. Работай спокойно, просто хлеб не покупай домой. Если б не хлеб, я бы тебе и не сказала. А то ведь купишь, Дусь, испортится батон.

– Ну хорошо. Пока, бабуль.

Дуся позволила себе обернуться. Преследования точно не было.

В вагоне метро на «зеленой» ветке было днем не так тесно, как в час пик, и Дуся села на освободившееся место. Сидя думалось как-то медленнее, и мысли Дусины повернули совсем не в практическую сторону. И почему так получилось, недоумевала Дуся, что ей некого попросить помочь разобраться в этом деле? Ей впервые за много лет понадобилась серьезная помощь, она впервые за много лет попала в ситуацию, в которой не может ничего понять, и что же? Оказалось, что кроме дяди Славы, друга отца, у нее нет знакомых, на которых Дуся могла бы рассчитывать. Дядя Слава далеко, поэтому надеяться совсем не на кого. Только на себя. «Как же так оказалось? – загоревала Дуся, рассматривая свою жизнь со всех сторон. – Я же всем всегда помогаю. Я всегда выручаю всех, кто меня об этом просит. Мне не в тягость. Почему же мне самой некого попросить о помощи? Даже обратиться не к кому. Может, просто нет у меня сильных друзей?» Делать такие выводы было обидно, но Дуся честно старалась искать причину, которая привела к этой непонятной ситуации, в себе, как всегда учил отец. «Попала в неприятности – найди мужество признаться, что ты сама в них вляпалась» – отчетливо прозвучал в голове ироничный голос отца, как будто он сказал эти слова где-то рядом, Дуся от неожиданности даже оглянулась по сторонам. «Все, приехали. Уже началось что-то психическое. К врачу сходить или пока просто валерьянку попить? Наверное, те таблетки, что

бабуле выписывают от бессонницы, все-таки нельзя, что-то там врач говорила, что никому не давать и самой не пить...»

После «Автозаводской» почти никто не вошел, и Дуся сразу обратила внимание на мальчишку лет двенадцати, который встал посреди прохода, собираясь запеть. Острое плечо оттягивала обшарпанная гармошка. Парень несколько раз переступил с ноги на ногу, чтобы встать potvrжде. Мальчишка был смуглый, чернявый, с густыми, загнутыми кверху ресницами. Тоненькая шейка в вороте дешевой клетчатой рубашки вызывала жалость и умиление. «Дать, что ли, пятьдесят рублей? – расчувствовалась Дуся. – Вон какой хороший. Лицо умное, глазки честные. Не просит на лечение, не ворует. Работает. Да, пожалуй, такому хорошему десятку маловато, дам пятьдесят».

Двери закрылись, мальчишка сыграл незатейливое вступление и запел. Репертуар хозяевами был выбран правильный, жалостливый: «А я хочу, а я хочу опять по крышам бегать, голубей гонять...», и заиграл мальчишка складно, и петь начал сразу звонко, но Дусина рука, потянувшаяся к молнии на сумке, вдруг остановилась. Певец не просил. Он бросал вызов миру. Дуся ощутила, что мальчишку ей больше не жалко.

Огромная, немереная сила слышалась в этом иногда срывающемся на петушинные трели голосе, и столько было в нем самоуважения и чего-то еще по-настоящему мужского, сразу не понять чего, что Дуся вдруг откровенно восхитилась парнем: вот это волчонок! «Этот выберется, – через минуту окончательно уверилась она, – он сможет. У него получится, чего бы ни захотел». Дуся, замерев, вслушивалась в то, о чем мальчишка пел. «Ах, детство, детство, ты куда, стой...» – произносили губы, а слышалось отчаянное: «Я вырасту. Вот увидите, я вырасту. Я такой, у меня все будет обязательно. Вы тут сидите, равнодушные и сытые, и вам наплевать, что мне трудно. Ну и что. Мне противно вам петь, но я пока делать больше ничего не умею, поэтому и пою вам. Я стараюсь. Потому что надо. Вот увидите, сволочи, я тоже вырасту, я скоро вырасту...»

Не только Дуся, весь вагон замер, люди сидели оцепенев, как-то даже испуганно, и никто почему-то не смотрел на мальчика. Когда он закончил песню и оглядел пассажиров, чтобы подойти к тем, кто хочет заплатить за концерт, то увидел, что слушатели сидят неподвижно. Люди, как и Дуся, отчетливо уловили, что рассказал о себе мальчишка, и никто не потянулся к карманам и сумкам. Жгучая обида полыхнула в черных глазницах и они мгновенно наполнились слезами. Поезд остановился на «Коломенской», двери вагона открылись, мальчик стремглав выскочил и смешался с толпой на перроне. Пока Дуся приходила в себя, двери закрылись снова, поезд тронулся и уже ничего изменить было нельзя. То есть, конечно, можно выйти на следующей станции, покататься в метро туда-сюда, найти певца и дать ему денег. Только что это изменит в мальчишкиной жизни? Деньги, сколько бы Дуся ему ни дала, все равно пойдут тому, кто этого мальчишку использует... И завтра парень снова будет петь свою песню в очередном ненавистном вагоне метро и так же точно будет сдерживать обиду, потому что денег ему, сильному и гордому мужчине, никто не даст...

Такого стыда Дуся не испытывала давно. Даже, наверное, никогда в жизни не испытывала стыда вот по этому поводу: что не подала попрошайке. В последние годы нищие буквально заполонили метро, выпрашивая денег «на похороны», «на лечение рака», «на операцию смертельно больному сыну», «на протезы»... Столичные жители давно научились их не замечать. Однако детям, которые в метро пели, прося за это деньги, Дуся всегда подавала: это был труд, и работающие дети вызывали у Дуси чувство вины за детство, прожитое в достатке. Хотя она и знала, что все деньги эти дети кому-то отдают, и что, возможно, работают только за одну еду, и что, скорее всего, где-нибудь в Молдавии или на Украине у такого мальчишки есть родители, которые сами отправили его сюда работать... Знала и все равно подавала. Вот только мальчишке этому почему-то не подала. Боже мой, как стыдно!

Дуся не помнила, как вышла на Каширской и как ехала в троллейбусе. Очнулась она только перед дверью «Неяды». Совсем распустилась, пришлось ей отругать себя. Скоро над сериалами начнешь плакать! «Ну не дала денег и не дала, так и никто не дал! – набросилась она на мальчишку, как будто тот мог слышать. – Просить надо было как следует! В любом деле нужно разбираться, особенно, если с людьми работаешь! Веди себя, как положено попрошайке, а то – сильный он! И в руках себя держи, а то ишь ты, расплакался! Мало ли кто мне чего-то давал! Никто и не обязан!» Легче почему-то не стало, но времени на виртуальный скандал с мальчишкой не было совсем: Дуся была уже в приемной Сергея Борисенко, финансового директора «Неяды».

– Дусь, ты чего? – навстречу шел Сергей Анатольевич Борисенко. – Ты чего так затравленно оглядываешься, случилось что?

– Здравствуйте, Сергей Анатольевич! – вовремя вспомнила Дуся правила хорошего тона. – Зеркало куда дели?

– Господи, слава богу! Вот ведь женщины! А я уж черт те что подумал! Здравствуй, дружок! Ты у меня, оказывается, не бизнес-вумен, а нормальная барышня! – обрадовался Борисенко так, как будто получил неожиданный подарок. – Без зеркала жить не можешь! На прошлой неделе стол мне заносили новый, и как-то зацепили ребята за зеркало ваше драгоценное, чем, сами не поймут. Хорошо хоть разбилось на две части, не поранило никого. Купим, купим, а то нам без зеркала никак, – покосился он на секретаршу Марину, оставшуюся сидеть на рабочем месте. – Кофе будешь? Печенье там, еще чего-нибудь? Или чай?

– Чай, – решила Дуся. – Обыкновенный, без добавок. И чего-нибудь. У нас изменения? – переключилась она на работу.

– Да нет, какие изменения! Вроде пока идем нормально. Может, увеличим чего, но только с весны, а на второе полугодие все как в прошлом году. Заходи. – Борисенко открыл перед Дусей дверь своего кабинета. – Марин, слышала?

– Да, Сергей Анатольевич. Чай. А вам?

– Ну и мне чай. И бутербродов, что ли, каких-нибудь. С сыром. Или один сыр. Дусь, ты сыр будешь? – спросил он уже в кабинет.

– Сергей Анатольевич, буду, конечно.

Дуся любила бывать в «Неяде» именно из-за таких моментов. Борисенко обставлял деловую, в общем-то, встречу так, как будто Дуся – долгожданная гостья, наконец-то нашедшая возможность заехать. Да еще в рабочее время, и теперь ради этого нужно отложить все дела. За чаем или кофе, накрытом в специальном, «чайном» углу кабинета, с его хозяином обсуждалась погода, предстоящие выходные на даче с внуками, которые подросли и такое говорят, чего в наше время и взрослые-то не знали, вкусовые качества угощений, поданных Мариной, политическая ситуация в стране или пандемия птичьего гриппа. Все, что угодно, только не бизнес. Дуся вообще-то давно заподозрила, что Сергей Анатольевич не так прост, каким кажется. Потому что каждый раз после минут пятнадцати разговоров, внимательно посмотрев, отдохнула ли Дуся, Борисенко вздыхал и говорил:

– Привезла бумажки-то? Давай за стол перейдем, я гляну. Реквизиты у вас не изменились? А то договор-то на весь год подписан. Мне тут одна фирма учудила. Договор на одни реквизиты, счета на другие... Хорошо, заметил сразу. А то потом с проверками не разберешься...

Дуся не помнила, чтобы Борисенко замечал что-то не сразу. Правда, Дуся тоже не лаптем щи хлебала, вся финансовая документация проверялась ею на предмет опечаток еще в офисе. В последние года три она вычитывала и все рекламные материалы, за которые несла ответственность, сама. В газетах и журналах почему-то была сильная текучесть кадров, и после случая, когда на утверждение из солидного, вроде бы, журнала была прислана одна рекламная статья, а поставлена в номер другая, Дуся взяла за правило проверять все, что проходит через ее руки.

– Домой? – коротко спросил Сергей Анатольевич, когда Дуся убрала в тонкий кожаный портфельчик акты, подписанные Борисенко.

– Да нет, еще встреча на «Соколе».

– Надо чего, звони.

– Да что мне может быть надо?

– Ну не знаю, мало ли. Бабушка-то как, дома?

– Ну да.

– Так и шла бы домой, завтра на «Сокол» съездишь.

– Хорошо, Сергей Анатольевич. Домой пойду. – Дуся улыбнулась.

– Врушка-то, господи. Ну иди давай на встречу на свою. А то я и так ревную, кого ты там еще рекламируешь. Хоть не бытовую технику?

– Нет, я конкурентов не размещаю.

– И это радость. А то, Дусь, – голос его стал жалобным – переходи ко мне работать, а? Порадуй старика, дела сдавать некому.

– Что это вы, Сергей Анатольевич? Какие еще дела сдавать?

– Какие-какие. Такие. Не сразу же сдавать, а года через два. Сразу тебя, конечно, никто не поставит на мое место. А на пенсию соберусь – будешь уже готовым специалистом. Дусь, подумай, перспектива хорошая. У тебя же экономическое образование? Вот и будешь работать по специальности. А то черт знает чем занимаешься.

– Побойтесь бога, Сергей Анатольевич! Реклама – двигатель торговли. Ваш же товар рекламируем.

– Так и тут будешь мой товар рекламировать. Будет твой.

– Да нет, спасибо, Сергей Анатольевич.

– Не спасибо, а подумай.

– Хорошо.

Прощавшись, Дуся вышла из «Неяды» и пошла пешком в сторону метро. До шестнадцати еще было полтора часа, значит, можно прогуляться прежде, чем ехать на «Сокол» знакомиться с лакокрасочником.

Что тут думать, мысленно ответила она Сергею Анатольевичу. Думать тут нечего. Не может Дуся работать в полную силу, с утра до вечера. Не может. Бабуля у нее. И у Дуси все в порядке. И на работе, и дома. Вот так.

А ведь странно, задумалась Дуся, почему я не сказала ему про слежку? Он же спросил. Что со мной да все ли в порядке. Помощь предлагал. Испугалась. Чего испугалась? А того, честно сказала себе Дуся, что можно мужика подставить неизвестно под что. Он же лох в таких делах. Или не лох? В бизнесе не лох, а бизнес сейчас – сплошной криминал. И все-таки...

Дуся впервые задумалась о том, что ничего не знает о Борисенко. Лет ему где-то шестьдесят, значит, какую-то карьеру делал до перестройки. Опять же, в годы перестройки явно не растерялся, нашел, чем заняться. Кем он был в советское время? Военным? Крайне маловероятно. Чиновником? Парработником? Или?.. Да тоже не очень-то похоже. А с другой стороны, знает два языка, Дуся сама видела у него на столе немецкие и английские газеты. Не пьет: если бы пил, не выглядел бы так хорошо. Даже не курит. Интуиция – дай бог каждому. Всегда здоров: за те пять лет, что Дуся работает с «Неядой», ни разу не случилось так, чтобы Борисенко отменял встречу по болезни, даже в периоды эпидемии гриппа.

Что точно Дуся знает про Борисенко? Взрослые дочери, обе замужем. У одной – сын, лет шесть, у другой – девочки-близнецы. Жену зовут Маша. Господи, даже отчества супруги Сергея Анатольевича Дуся не знает! Где живет – не знает, чем занимался до девяностых годов – не знает, что за профессия у дочерей и у зятьев – тоже не знает... Зато Борисенко знает о ней много чего. Знает, что с элитным, в общем-то, образованием, полученным еще в те времена, когда в МГИМО нельзя было поступить без связей, Дуся работает менеджером в рекламном

агентстве, потому что на руках у нее очень старая бабуля, а на такой работе достаточно свободный график. Знает, что родители погибли в автокатастрофе в 1991 году, будучи в командировке в другой стране. «Папа был журналистом-международником» – всем и всегда говорила Дуся, значит, и Борисенко так тоже должен думать. По идее. Еще Сергей Анатольевич знает, что у Дуси кроме бабули родственников нет, что отец – из детдома, а мама была у бабули единственной дочерью. Про графское происхождение, слава богу, ничего не знает. Фамилию бабули не знает. Или знает? Да нет, утвердилась Дуся, никому же не говорю, значит, и ему не сказала. Вообще мало кто знает о том, что бабуля после гибели Дусиных родителей решила найти своих родственников, растерянных после революции, и, даже будучи почти недвижимой, плохо владея речью, сменила фамилию и занялась поисками сестер, которые могли быть еще живы. Сколько сил и нервов поначалу стоило это Дусе! Но поскольку бабуля, занятая важным делом, совершенно не собиралась умирать, Дуся готова была и дальше разыскивать хоть кого угодно. Так кто же об этом знает? Знает дядя Слава, но он далеко. Знают кураторы от отцовской работы, они все знают. Катюшка знает. Пожалуй, и все, больше не знает никто. Значит, и Борисенко не знает. Что Борисенко знает про Дусю вообще? Что квартира у них однокомнатная, что Дуся не замужем и никогда замужем не была, что детей у нее нет... Ну не будет же Сергей Анатольевич рассказывать про Дусю все это каким-то уголовникам! С его осторожностью и тактом... Дусе ни про кого не рассказывает и про нее никому не будет. Хорошо, допустим.

Уже сидя в вагоне метро, Дуся вспомнила про мальчишку. Если сейчас войдет, дам ему денег, решила она. Сразу, как только начнет петь, достану кошелек и протяну несколько купюр, тогда и другие потянутся за деньгами. Это все, что я могу для него сделать.

Однако ни на «Коломенской», ни на «Автозаводской» певец не вошел, чем почему-то еще больше испортил настроение Дусе. Чтобы хоть чуть-чуть привести себя в форму, она заставила себя думать о новом клиенте. Голос у него уверенный. Продукцию любит. Как-то даже ему важнее не денег заработать, а осчастливить человечество. Это – самое плохое, потому что человечество как раз становится благодарным обычно с небольшим запозданием: когда уже очно не поблагодаришь. А вот слямзить при жизни гения плоды его трудов и получить от них прибыль – это как раз в духе сегодняшнего человечества. Есть ли у него сертификаты, разрешения, знает ли он, этот Дмитрий Иванович, что продукт должен соответствовать СНИ-Пам, и нужны соответствующие заключения – работа, которую нужно сделать обязательно, чтобы товар пошел? В общем-то, это не Дусино дело, но все же, если индивидум хочет одарить человечество очередным эксклюзивом, он должен сам позаботиться о том, чтобы человечество знало, чей это подарок...

Время до встречи еще оставалось, и Дуся, выйдя на «Соколе», решила поесть. Рядом с метро была хорошая пиццерия, Дуся бывала там несколько раз, но есть два раза в день мучное Дуся себе не позволяла, а сегодня вечером – пирожки. «Поем салатов, – решила она, – а то что же, теперь из-за этих пирожков совсем ничего не есть? Салатик можно. И запить ананасовым соком, он жиры в организме расщепляет».

В самом конце веранды было свободно, официантка сразу приняла заказ, и Дуся достала книжку, купленную еще вчера, но так за весь сегодняшний день и не вынутую из сумки. «Вот ведь зацепил! – опять упрекнула она мальчишку из метро. – А я-то, я-то сама хороша! Впору в Армию Спасения! Или своего ребенка пора заводить, – вдруг грустно призналась она себе. – Маленького, беспомощного, родного... И бабуля была бы рада... Что-то ты, Евдокия Сергеевна, действительно засиделась в девках».

Читать совсем не хотелось, думать о работе – тоже. Хотелось жалеть себя, такую красивую, умную, образованную. Никем не востребованную хорошую хозяйку, верную жену, надежного помощника и соратницу, мудрую и справедливую мать двоих (или все-таки троих?) чернотелых шустреньких мальчишек-погодков...

Дуся посмотрела через решетку веранды на тротуар, по которому в обе стороны спешили люди, поодиночке и парами. Ну и как, спрашивается, другие выходят замуж? Вот эту безвкусную девицу ведет под руку элегантно одетый муж. Или не муж? Держит уверенно, видимо, это все-таки его собственность. Где они могли познакомиться, такие непохожие? А идти рядом им комфортно, значит, все у них в порядке, все хорошо.

А вон те двое – тоже муж и жена, однако какая разница. Идут в полуметре друг от друга, как два ошетилившихся ежа. Знала Дуся и такие семьи: супруги годами враждовали и при этом не разводились, да еще не просто жили как кошка с собакой, но и продолжали заводить очередных детей...

«Эти – студенты, – оценила она очередную пару. – учатся вместе, старшекурсники, еще ничего такого, сплошные платонические чувства. Потому и похожи, что одноклассники, изпод одного пресса. Только потом, если поженятся, ей лучше бы сменить профессию. Она и сейчас-то наверняка учится лучше, а уж если начнет быстрее карьеру делать... Ох и завидуешь ты, Евдокия Сергеевна, чужому счастью!»

Дуся перевела глаза и застыла: по улице шел Широкоплечий. «Ну да, сегодня его день, он же с утра меня „повел“, значит, весь день должен был именно он глаза мне мозолить. Правда, я от него сбежала, а потом сбежала и от Рохли со Стриженным... Откуда узнали, где я?» – лихо-радочно соображала Дуся. «Знают Лариса, Катюшка, Олег... нет, они адреса не знают... Что еду на „Сокол“, знает только Борисенко... тут два выхода, значит, широкоплечий знает адрес, если вышел на этой стороне... А может, просто случайно тут оказался? На сегодня отстранили от слежки за мной, и он домой идет или по другим делам? А если знает адрес, то значит, не Борисенко, а Лариса, адрес по номеру телефона узнать – дело техники... или Олег с Катюшкой... Или кто угодно мог позвонить в офис и спросить, куда я поехала... или они вчетвером дежурят по разные стороны от выходов из „Сокола“, чтобы меня не пропустить...»

Широкоплечий прошел рядом с окном веранды, за которым сидела Дуся, и девушка вжалась в скамейку. «По сторонам не смотрит, никого не ищет. Знает, гад, точно, куда идет. По мою или не по мою душу? До четырех часов еще сорок минут».

Официантка принесла салат из кальмаров и ананасовый сок.

– Маша, – назвала Дуся девушку по имени, кривовато выведенном фломастером на бейджике у нее на груди, – посчитайте сразу, я опаздываю.

Маша покосилась на книжку:

– Да, конечно.

«Ты, Маша, свой уровень логики другим непоследовательным клиентам демонстрируй, – мысленно огрызнулась Дуся. Уходящая Маша вдруг оглянулась. – Я что, вслух это сказала? Да нет же, она просто оглянулась посмотреть, может быть, я решила заказать что-то еще к салату. А с нервами у меня совсем плохо. Уже просто не с нервами, а с головой... Добились, уроды, чего хотели. Представляю, что с бабулей. Тоже ведь версии выстраивает, откуда эти преследователи могли взяться и чем это все может закончиться. Что же делать?»

Паника в Дусяной душе поднималась все выше. Быстро доев салат, не замечая его вкуса, не посолив и даже не размешав майонез, красивой горкой лежавший поверх содержимого тарелки, Дуся залпом выпила сок, сунула книжку в сумку и поднялась.

«Господи, чуть не забыла заплатить! – спохватилась она, увидев спешащую к ее столу Машу. – Да, только этого мне не хватало: скандала в забегаловке».

Маша выглядела не виноватой, а сочувствующей. «Думает, что мне срочно позвонили. Да какое мне дело, что она думает!» – разозлилась Дуся, на ходу протягивая деньги девушке. Та внимательно посмотрела в глаза Дусе и вдруг сказала:

– Все обойдется.

– Что обойдется? – растерялась Дуся.

– Вы чем-то расстроены. Мне кажется, все у вас будет нормально.

«Да ты-то, боже ж мой, что в этом понимаешь, прислуга мелкая?» – раздраженно подумала Дуся, а вслух холодно сказала:

– Я, Машенька, просто опаздываю.

Сочувствие в Машиных глазах сменилось безразличием:

– Приходите к нам еще.

– Разумеется.

Дуся вышла на тротуар и затравленно огляделась по сторонам. Знакомых не было. Она зашла в арку дома и села на скамейку у первого же подъезда.

4

Евдокия Романовна задумчиво смотрела в окно. Как будто недавно с ней все это было – революция, нищета, война, еще большая нищета... Мысли перескакивали с одного воспоминания на другое. Еще до войны приличных людей не осталось, а кто был, старались затаиться до лучших времен. И не жили-то никогда хорошо, особенно после войны, все боялись, боялись за себя, детей, близких... И почему Лизавета, единственная дочь, вышла замуж именно за этого невоспитанного, без роду без племени? Так и сгинули вместе. И что может она, древняя старуха, сделать для их единственной дочери, ее внучки? Какие-то непонятные люди явно угрожают их спокойной размеренной жизни. Какие-то люди зачем-то, забавы ради, хотят от Дуси непонятно чего... Попросить, что ли, чтоб в выходные Дуся свезла ее в храм в Сокольники, поставить свечку проверенному защитнику, Николаю-Чудотворцу? Бабуле показалось, что она нашла верное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.